

Опись дел архива Владимирского губернского правления (отрывок)

№ 41 (17). О приведении крестьян князя Прозоровского и других помещиков Переславской, Покровской и Юрьевской округ, Владимирской губернии, в повиновение своим господам. 1797 г. На 214 листах.

В апреле 1797 г. генерал от инфантерии князь Александр Александрович Прозоровский обратился с прошением к Юрьевскому земскому исправнику по поводу возмущившихся крестьян в селе Железове, Юрьевской округи. Он просил с. 6

«изыскав истинну, кто сему злу был руководитель, равно и из крестьян его кто поступил началом к сему возмущению и других к тому поощрил»,

со всеми в том заговоре виновными поступить на основании высочайших узаконений, а именно:

«Начальных общенародной тишины и спокойствия возмутителей и ослушников Его Сиятельства, яко господина своего», «наказать нещадно в страх других публично здесь в городе на площади с барабанным боем плетью, да и других таковых же, забрав, тож с ними учинить, протчих же последующих их советам и законопротивным намерением на месте преступления в показанной Его Сиятельства вотчины при всенародном той волости и окрестных жителей собрании, по рассмотрению, плетью ж, а других батоги, и обязав потом всех их с указным подтверждением о бытии им в должном у Его Сиятельства повиновении и послушании подписками».

Юрьевский Уездный Суд 4-го мая 1797 г. постановил:

«представленных в сей суд бунтовщиков и нарушителей общего блага, тишины и спокойствия крестьян, по воле господина своего Его Сиятельства князь Александр Александровича Прозоровского»

на основании уложения 2-й главы 13 пункта и последовавших о том Высочайших 730 г. апреля 4-го, пункта 8, 751 г. ноября 1-го, 754 г. мая 13, п. 31-го, 762 г. июля 3-го и октября 8-го, 763 г. июля 4-го, 707 г. августа 22-го, и сего 797 г. генваря 29-го указов, с. 7

«наказать здесь в городе на площади нещадно плетью и обязать о бытии в должном у господина их послушании и повиновении с указным подтверждением подпискою».

Был ли приговор Уездного Суда приведён в исполнение — неизвестно, между тем несколько ранее в конце апреля по Высочайшему Его Императорского Величества повелению генерал-майор князь Ал. Ив. Горчаков отрядил из Ярославля Рязского Мушкетёрского полка полковника графа Остермана с двумя ротами и одною пушкою во Владимирскую губернию в деревни князей Прозоровского и Волконского для приведения бунтующих крестьян в должное повиновение помещикам.

Граф Остерман с двуротною командою прибыл в г. Владимир 3-го мая в ночь, а 4-го мая ему предписано было губернатором Руничем, только что перед тем назначенным для управления губерниею на место П. Г. Лазарева, отправиться в имение князя Прозоровского, село Железово. По прибытии на место того же числа возмущившиеся крестьяне выразили полную покорность, в чём от них и была отобрана подписка.

Что же касается до крестьян князя Волконского, то Высочайший указ о их усмирении вызвал недоразумение. Губернатор не имел никаких сведений о том, чтобы у кого-либо из князей

*Селиванов, А. В. Опись дел архива Владимирского губернского правления / А. В. Селиванов // Труды Владимирской учёной архивной комиссии. — 1903. — Т. 5. — С. 6—29.

с. 8 Волконских крестьяне находились в неповиновении. В губернии Владимирской оказалось несколько имений, принадлежащих князьям Волконским; во всех имениях числилось 1 130 душ и ниоткуда не поступало о неповиновении крестьян ни просьб, ни донесений. Между тем в доставленном к Руничу письме от князя Куракина к Павлу Михайловичу Волконскому, шурина князя Ал. Ал. Прозоровского, было сказано, что «по письму Волконского о неустройстве крестьян» его и князя Прозоровского, Куракин «имел счастье всеподданнейше докладывать Его Императорскому Величеству и по части воинского начальства приняты уже для сего нужные меры». Губернатор совершенно недоумевал, о каком имении здесь идёт речь. Судя по этому письму, впали в непослушание крестьяне П. М. Волконского, но за ним в пределах Владимирской губернии, как оказалось по справке в Казённой Палате, никакого имения не значилось, а потому Рунич, сообщая о своём недоумении генералу-майору князю Горчакову, просил его, в случае, если «почему-нибудь ему известно, где состоят онаго князя Волконского деревни и нужда есть усмирить его непокорных крестьян», то чтобы он отрядил туда от его полка другую команду.

На это письмо князь Горчаков ответил Руничу, что по его мнению деревни князя Волконского «неминуемо быть в соседстве с бунтующими князя Прозоровского и в смежности с границею Володимирской губернии вне оной, в Рязанской или Нижегородской»,

вероятнее в первой, как в ближайшей к деревням князя Прозоровского, а потому князь Горчаков предписал полковнику графу Остерману

«стараться наивернейше узнать, не те ли деревень бунтующих князя Волконского в смежности с границею Владимирской губ., и ежели оные отыщутся, то по числу их отправить туда воинскую команду».

Тем не менее князь Горчаков просит в свою очередь Рунича «не оставить его (графа Остермана) вспомоществованием по земской части чрез капитанов исправников» относительно разыскания деревень князя Волконского.

Из дела не видно, чем окончился этот розыск.

Получив от графа Остермана уведомление об усмирении им крестьян с. Железова, Рунич выразил ему свою благодарность, но вместе с тем предписал ему с воинскою командою остаться на некоторое время как в деревнях князя Прозоровского, так и в других селениях, примыкающих к ним, так как стали получаться уведомления из разных мест о неповиновении крестьян своим помещикам.

В короткое время возникли беспорядки и волнения в имениях следующих помещиков Юрьевского, Переславского и Покровского уездов:

- с. 9
- Н. А. *Богданова*, в сельце Щедрине.¹
  - Ник. Петр. *Макарова*, в с. Богословском.
  - Прас. Петр. *Извольской*, в с. Фёдоровском и сельце Звенцове.
  - Мих. Ив. *Мусина-Пушкина*, в сельце Елец.
  - Графа Петр. Борис. *Толстова*.
  - Петра Ив. *Демидова*, в с. Турабьево, Юрково, Беляницыне, Скомове, Владычне, Пинагоре, Мирославле и дер. Ратькове, Быстрой, Мишкине, Студенцы и Черноводки.
  - Мих. Ив. *Прокудина*, в сельце Горе Фуниковой и д. Хмелевой.
  - Княгини Елиз. Алексеев. *Одоевской*, в с. Николаевске и дер. Хорошёвке.
  - Княгини Мар. Андр. *Шаховской*, в с. Архангельском, Калитеево тож.
  - Андр. Ив. *Винова*, в с. Касагове и сельце Озерцы.
  - Над. Никит. Аврамовой, в с. Фетисове, Никитское тож, дер. Игнатове, Коленове, Конатове и Воскресенской.
  - Ник. *Соленикова*, в с. Зиновьево, д. Податнево и сельце Берестянки.
  - Фёд. Григ. *Карина*, в с. Богородское Селище и Ильинском с деревнями.
  - Вас. *Отяева*, в с. Давыдовском, дер. Лычеве и Марьиной.
  - Ал—ея Ал—ев. *Бехтеева*, в с. Дубках и дер. Троицы, Лаврениной, Мелинок и Сукманове.
  - Андрея *Кузьмина-Караваева*, в с. Спасском, дер. Новой, Дашки, Курицыне, Васильки, Климентыне, Лапушки, Тюркине, Кривцовой, Нефёдовке.

¹Беспорядки возникали и ранее в этом имении, но крестьяне были усмирены и пять человек наказано.

- Мих. Вас. Митькова, в с. Забелине.
- Пел. Ив. Бехтеевой, в с. Дубках с дер.
- Варв. Алекс. Кузьминой-Караваевой, в д. Очепе, Марковой, Новинки, Мышлине и Калининой.
- Елиз. Алексеев. Ладыженской, в сельце Калининне.
- Вл. Алексеев. Акинфова, в с. Завалине с дер.
- Анны Чернцовой.
- Гавр. Беречинского.
- Павла Крупехина.
- Извольского, в с. Вошне и д. Дворяткине.
- Ив. и Алексея Мухановых, в с. Успенском и сельце Ивашкове.
- Михневой, в сельце Медведкове.
- Ел. Ив. Герасимовой, в с. Толмачёве.
- Ив. Ильича Муханова, в д. Круглышеве.
- Селивановой, в сельце Вёсках.
- Дар. Ив. Барыковой с детьми в сельце Горках.
- Макарова, в с. Петровском.
- Кн. Ал—дра Серг. Волконского, в сельце Макарове с деревнями.
- Мих. Никол. Сверчкова, в д. Калинкине.
- Вас. Вас. Головина, в с. Масякове с деревнями.
- Дмит. Ил. Муханова, в д. Березине.
- Григ. Сем. Товарова, в сельце Конюкове.
- Нат. Ал—ндр. Уваровой, в сельце Пахиреве.
- Елиз. Алексеев. Цвилленовой, в с. Авдотьине
- Кн. Мих. Фрол. Енгальчева, в сельце Михальцове.

с. 10

Все взбунтовавшиеся крестьяне были усмирены. В большинстве случаев достаточно было появиться графу Остерману с военной командой, чтобы заставить крестьян изъявить покорность и дать подписку в повиновении. Только в одном имени, в с. Давыдовском у помещика Отяева, пришлось прибегнуть к силе оружия.

Граф Остерман в рапорте губернатору Руничу 22 мая 1797 г. сообщает, что по прибытии в с. Давыдовское отряжённого графом Остерманом капитана с ротой крестьяне

«не токмо чтоб дать внимание увещанию, но буйственно все единогласно закричав „дубьём их“, бросились на роту и приняли должное воздаяние за их дерзость. Один убит, несколько раненых, а прочие захвачены были».

Далее граф Остерман пишет, что по рапорту капитана, он сам с земским исправником отправился в с. Давыдовское и допрашивал оставшихся крестьян. Они сознались в том, что причиной происшедшего инцидента послужило поощрение крестьян близлежащих селений г. Нелединского-Мелецкого и князя Куракина, у которых, как оказалось, и скрываются бежавшие крестьяне. Убитого бунтовщика граф Остерман приказал зарыть на большой дороге «с надписью в пример другим». Независимо от официального рапорта, граф Остерман послал письмо Руничу, в котором пишет следующее:

«С прискорбием подписывал донесение, долженствующее потревожить чувствительность души вашей и тем огорчительнее, что оно неожиданное. Во оправдание ж себе не могу иначе поставить, как исправность отряжённого мною и три раненя гренадера доказательство необходимости поступка его, в предупреждение же подобного случая неугодно ли будет вашему Превосходительству сие несчастное наказание дать знать по всем уездам губернии вашего начальства с предписанием повестить оно по всем церквам, ибо уже по чёрному народу поощряющие возмущения рассеивают, что и будто подкуплен от господ, а не по воле Государя моего хожу, что и побудило Отяевых крестьян покуситься перевязать роту и представить в город».

с. 11

На донесение графа Остермана губернатор отправил к нему следующий ордер:

«Сего мая 24 дня получил я с нарочно присланным от вас унтер-офицером от 22 числа пущенной ко мне рапорт, из котораго усматриваю расторопное и довольно сходственное благоразумие ваше в усмирении бунтующих помещичьих крестьян Покровской округи, почему признательно и воздаю достойную вам похвалу. Относительно ж уведомления вашего, что отряжённый от вас с ротой команды вашей капитан помещика Отяева в село Давыдовское для приведения в законное повиновение его крестьян, которые будучи заражены злейшею непокорностию, невнимая кротости увещания, законопреступно дерзнули учинить нападение с дубьём на роту отряжённую, и за таковую

с. 12

дерзновенную буйность приняли достойное воздаяние, что один человек из оных убит, несколько раненых, часть разбежалось, а прочие захвачены были, то не могу не сказать, что за наглую дерзость свою заслужили сие наказание. Но желательно б мне было, чтоб в дальнейшем вашего высокоблагородия распоряжении в отряжении от команды вашей части, каковой к усмирению бунтующих крестьян не могло воспоследовать подобающего принуждённого оружием наказания (и где собственно присутствие ваше будет, то по упованию моему на благоразумие и человеколюбие ваше думаю, что и случится онаго не может), а потому и рекомендую вашему высокоблагородию, чтоб впредь к усмирению бунтующих крестьян старались более действовать совокупно со всею вам вверенною командою, отделять же части или целую роту благоволили удерживаться, разве самая необходимая крайность к тому вас принудит, да и в таком случае имеете посылать роту с самою надёжнейшим капитаном; ибо малейшая недосмотрительность отряжённого от вас с частию или с ротой командира, может как поселян, так и самую отряжённую команду подвергнуть гибельному и не возвратному несчастью, которое потом безвинным образом может сделать ущерб в похвально деятельном вашем подвиге. Чтож по получении рапорта от капитана отряжённого нами в с. Давыдовское не оставили с земским исправником отправиться в оное село для изследования притчины и нахальных поступков крестьян Отяевских, то почитаю, что сделали вы основательно; ибо уже приезд ваш один с исправником в выше речённое селение оставших крестьян привело в законное повиновение помещику, в чём они и подпискою обязались. Касательно ж до распоряжения вашего чтоб убитаго бунтовщика зарыть на большой дороге в землю с надписью ево преступления, то учинить изволили предъусмотрительно».

По произведённому Покровским земским исправником дознанию по этому делу, оказалось, что в беспорядках, бывших в с. Давыдовском, участвовали также крестьяне с. Нового князя Куракина и с. Ильинского г. Нелединского-Мелецкого. У трёх крестьян с. Нового оказались поранения, впрочем, неопасные.

По поводу распространившихся между крестьянами слухов, что граф Остерман подкуплен помещиками и самовольно вошёл во Владимирскую губернию для усмирения крестьян, не имея на то Высочайшего повеления, губернатор Рунич признал необходимым предложить Суздальскому епископу Виктору, приказать «священникам по всем приходским церквям, в епархии состоящим», чтобы они в первый воскресный день в собрании народа прочитали ему внятно

с. 13

«губернаторское объявление, которым по начальническому званию он удостоверяет каждого, что господин полковник граф Остерман с воинскою командою прислан по Высочайшему Его Императорского Величества повелению для усмирения дерзновенных помещичьих крестьян и до толе из губернии Владимирской с командою не выбудет, доколе заблудших не приведёт на истинный путь».

Епископ Виктор письмом от 28 мая уведомил губернатора, что им предписано Суздальской консистории и от оной духовным правлениям и благочинным указами, чтобы оные всех приходских церквей священно-церковно-служителям в самой скорости объявили о сём с подписками и с крепчайшим о выполнении требования губернатора подтверждением, и оные указы отправлены с нарочными.

При усмирении крестьян гг. Мухановых, Уваровой, князя Волконского и других в Переславском уезде произошло следующее: 24-го мая, когда земский исправник Коробов с военной командой, вверенной отряжённому графу Остерманом капитану Зологиницкому, вступил в селение вотчины Ив. и Дмитрия Ильиных Мухановых, у которых крестьяне в числе трёхсот семнадцати душ выказали неповиновение, то он нашёл во всех деревнях пустые дома. Все крестьяне, как оказалось, разбежались в леса. То же было найдено и в других селениях соседних владельцев. Опасаясь, чтобы между разбежавшимися крестьянами не последовало опасного соглашения между собою и ввиду скученности в этом районе селений, исправник Коробов решил принять крутые меры. По прибытии с командою в 60 человек в дер. Калинину помещика Сверчкова и собрав наличных крестьян, он истребовал от них подписки в повиновении; вследствие оказанного ими упорства некоторые из крестьян были наказаны и «приведены в послушность». После того исправник отправился один без команды в с. Макарово князя Волконского. Собрав по небольшому числу «лучших и престарелых» из крестьян и растолковав им силу высочайшего манифеста

«наиподробнее изъяснениями и толкованием о таковом их заблуждении, он имел удовольствие видеть до того раскаявшихся, что со слезами просили в том прощение, изъявляя при том, чтобы он на другой день прибыл к ним опять без команды, что по их желанию и выполнил».

с. 14

Прибыв в с. Макарово, исправник нашёл их собравшимися в числе 150 человек. Все они просили прощения, каковое «в сходственность высочайшей монаршей воли тогдаж, не прикасаясь к малейшему их наказанию и получили и в точном требуемого повиновения выполнении

в храме Божиим утвердились присягою и подпискою». По примеру крестьян с. Макарова и крестьяне других селений гг. Головина, Герасимова и Муханова также обратились с просьбою к исправнику, чтобы он к ним прибыл один, без команды, что он и сделал. Прибыв, между прочим, в дер. Масякову, он нашёл всех крестьян на улице стоящих на коленях и просящих прощения, почему именем Его Императорского Величества они были прощены и «наказания никакого им не учинено, и утвердя присягою и подпискою оставлены в спокойном пребывании». Там, сообщает исправник, «к крайнему прискорбию он услышал от них впечатлённой в слабом смысле их страх», что после, как они придут в прежнее господ их повиновение, то их станут от девяти десятого сечь кнутом за то, что они покорились. Этим, по мнению исправника, и объясняется упорство крестьян, выказанное ими при требовании от них подписки в повиновении. Он старался расследовать, кто мог распространять подобный слух, но так и не узнал. В дер. Медветковой г. Михнева, а также в сельце Пахиреве графини Уваровой, крестьяне, несмотря на все внушения исправника и обещания его, что если они принесут требуемую покорность, то будут оставлены без всякого наказания и прощены — вернуться по своим домам не решались, несмотря на то, что давно наступила время посева ярового хлеба и поля остались не обработанными. Они возвратились только в начале июня, принеся «раскаяние в содеянном ими и прося прощение», которое и получили, как об этом сообщил исправник в рапорте от 9 июня.

7-го мая в Переславский Нижний Земский Суд, находившийся временно в сельце Веригине, явился секунд-майор Барыков и сообщил, что отправленный крестьянин сельца Веригина с просьбою к Государю Императору сотский Кондратий Тимофеев из Москвы возвратился и находится в деревне Дубне, куда собирал на сход крестьян сельца Горок, а потому просил суд сотского Тимофеева, как бунтовщика, взять и отослать к суждению по законам. Нижний Земский Суд, согласно означенному заявлению, отправился в дер. Дубню, где и нашёл сотского Тимофеева в питейном доме с другим сотским Герасимом Петровым. Оба они, взятые под стражу были отвезены в Переславль. Но при проезде через с. Корелу, где они остановились для истребования провожатых на улице собралось много людей, в числе коих находился и священник Панкратий Фёдоров. Увидя последнего, сотский Тимофеев позвал его к себе и, вынув из-за пазухи бумагу, просил его прочесть, что тот и сделал. Оказалось, что это был печатный манифест от 29 января, а также фальшивый билет, выданный будто бы из дворцовой конторы сотскому Тимофееву следующего содержания:

Его Императорского Величества самодержца Всероссийского Государя Императора Павла Петровича всесветлейшаго из дворцовой канцелярии дан

Билет.

Генералом Килин Александрычам Милютинским впредь до время прошателю Кондратью Тимофееву о господ для притеснения. 1797 г. Маия 4-го дня. № 127. К подлинному билету канцелярист Иван Иванов руку приложил.

Сотский Тимофеев 19-го мая в допросе в Переславском Нижнем Земском Суде показал:

29 апреля 1797 г., будучи на сходе в сельце Горках гг. Барыковых, все того сельца крестьяне согласились послать к Его Императорскому Величеству на господ своих в причиняемых им обидах прошение и просили сотского Тимофеева отправиться в Москву для подачи его. Он согласился лишь по просьбе крестьян, но не сам вызвался. Ему положили «на трату» с тягла по 50 коп., а всего 25 р. С того схода пошли в дом к сотскому, где все присягали и прикладывались к образу Божию «в том, чтобы быть всем в одном согласии». Получив собранные с крестьян деньги, сотский отправился вместе с старостой Алексеем Афанасьевым к Троице для написания там просьбы с тем, чтобы сотский из Троицы шёл в Москву, а староста обратно вернулся в сельцо Горки. Крестьяне сельца Дубны порядились доставить на двух лошадях их обоих до Троицы, а затем сотского до Москвы за 4 руб.

По приезде к Троице он отправился в дом к отставному сержанту Илье Герасимову, который и написал для их просьбу для подачи Его Императорскому Величеству. Руку за них приложил хромой сын сержанта. За написание просьбы ими уплачено 1 р. 25 к. Затем староста уехал в сельцо Горки, а Тимофеев в Москву, где он остановился у креста у дворника Матвея (чей сын — не знает). Расплатясь с извозчиком и отпустив его домой, сотский Тимофеев поместился на постоялом дворе где оказалось до 10 человека крестьян разных помещиков, прибывших в Москву с целью подачи прошений на своих господ. Один из них, дворовый человек помещика Бутурлина, вызвался быть поверенным при подаче Тимофеевым просьбы, которая и была опущена в ящик. За хлопоты Тимофеев обещал поверенному 50 коп. Через четыре дня этот

с. 15

с. 16

дворовый человек принёс, как Тимофееву, так и другим крестьянам, у которых также состоял поверенным, каждому по билету и по одному печатному манифесту, сказав им, что билеты даны из дворцовой Его Величества канцелярии; причём советовал им, чтобы билеты и манифесты предъявили на сходе приходским своим священникам. По получении документов Тимофеев отправился пешком домой и как только вышел из Москвы, то догнал крестьянина сельца Дубны помещика Товарова. Этот крестьянин также ходил в Москву для подачи просьбы на своего господина. По приходе их в сельцо Дубну они созвали сход, на который был приглашён священник с. Корелы. Последний, прочитав билет и манифест, сказал, «что хорошо, что он постарается помещиков просить и поговорить, чтоб они их, крестьян, не трогали, но чтобы они в работах были послушны».

Вмешательство священника с. Корелы в крестьянские беспорядки не прошло для него бесследно. Полковник граф Остерман рапортом от 3 июня уведомил губернатора, что

с. 17

«по словесному донесению исправника г. Коробова и по признанию крестьян господина Товарова, у коих найден фальшивый билет, за чтение оного при собрании народа и за сделанную тревогу, когда везли упомянутого помещика зачинщика возмущения чрез экономическое село Карелы, за все сии невольные деяния, дающая поползновение помещичьим крестьянам волноваться, и подкрепляющая их вольнодумство»,

граф Остерман взял священника под стражу, «яко ослушника высочайшей воли Его Императорского Величества и недостойного служителя храма Божия». Распоряжение это было губернатором одобрено.

Письмом от 26 мая исправник Обухов сообщил губернатору о сделанном ему со стороны священника села Косагова Ивана Васильева «пасаше» (пассаже).

«В бытность мою в означенном селе Косагове, — пишет Обухов, — увидел я речённого попа Васильева, стоящего на улице, к коему подошед спрашивал, поддерживает ли он чтением в церкви вручённый ему от Земского Суда высочайший Его Имп. Велич. манифест, изданный сего генваря в 29 день, но он с великим невежеством отвечал мне, что о сём испрашивать его не есть моё дело, и он того манифеста читать не одолжается и меня никогда в том не послушает. Я видя таковой неосновательной его отзыв и замечая чрез то волнение крестьян г. Винова от неисполнения тем попом высокономаршей власти, порученной непосредственному попечению священников неупустительным чтением в церквях вышеизъясненного всевысочайшаго манифеста истолкованием оного своим прихожанам, решился о том отнестись главному начальству».

Тому же священнику от Юрьевского Уездного Суда было дано два предписания о явке в суд по производимому в этом суде делу;

«но оный поп как по сим, так и ещё неоднократно к нему от суда посылкам неявился. А посему и объявлял ему лично, чтоб непременно явился в суд. Но он, услыша сие, отвечал мне с великим азартом, говоря так: да что ты за разбойник такой! И неоднократно повторяя сии слова, кричал, что приехали разбойники, драл на себе лицо и приказывал своей жене бить в набат, на которой крик вышел сын его, держа в руках топор с намерением видно меня оным уязвить, что я видя принуждён был от того удалиться».

с. 18

Губернатор отослал жалобу исправника на священника епископу Виктору на его рассмотрение. Преосвященный, сообщая губернатору о сделанном им по этому делу распоряжении, в свою очередь препроводил ему на его рассмотрение две просьбы того же священника на исправника Обухова от 20 и 30 мая, прося губернатора оказать удовлетворение священнику, крайне обиженному исправником, «поелику священник явился к епископу Виктору окровавленный, а жена его от побой при депутатах была исповедана». В упомянутых прошениях священника Ивана Васильева значится следующее:

1. 23 мая исправник Обухов, по приезде в с. Косагово к помещику Бологовскому в дом, прислал к священнику Ив. Васильеву солдата с требованием, чтобы он явился к исправнику; но священник сказал солдату, что он

«в дом Бологовскаго без депутата с духовной стороны и за имеющеюся у него с Бологовским по Консистории и Владимирскому Духовному Правлению приказною ссорою, дабы он по злобе не причинил ему, священнику, какой либо обиды, идти не смеет, с чем тот солдат от него и ушёл».

После того сам исправник с двумя солдатами, пришедши к священнику в дом, стал его

«ругать всячески, для чего он к нему не шёл; когда же он, священник, отозвавшись ему, исправнику, что он в дом Бологовскаго не шёл по вышеписанной приказной ссоре, а он, исправник, почему его изволит требовать, тогда сей исправник без всякой причины имеющеюся у него в руках палкою

начал ево священника бить по плечам и по голове и расшиб левую бровь и переносье до крови, от чего на оных местах имеются знаки».

Священник едва мог вырваться и схватя лошадь уехал верхом с объявлением к депутату села Чекова священнику Василию Андрееву и к крестьянам, которые те знаки на священнике видели, «в чём ими и свидетельствуется». После того священник из страха перед исправником, оставя дом и семейство, явился к преосвященному с просьбою.

2. Во время отлучки священника для подачи просьбы в Суздаль, 27 мая он был извещён крестьянином села Косагова Григорием Никитиным, что исправник Обухов жену священника «прибил смертельно», почему вернулся в свой дом и нашёл свою жену «лежащую при смерти, едва говорить могущую, исповеданную и причащённую святых тайн» ещё до приезда священника её духовным отцом священником села Лыкова Иваном Григорьевым. Жена священника заявила ему, что она прибита без него исправником Обуховым. Вследствие этих побой её вести «ни для просьбы, ни для свидетельства» оказалось невозможным, и будет ли она жива — неизвестно. По приказанию же исправника Обухова две лошади, принадлежащие священнику, были взяты и отправлены в г. Юрьев. Сын священника, пономарь, узнав об этом, отправился в город для подачи в Уездный Суд просьбы о возврате лошадей, но был сам взят под стражу; лошади же были приведены в дом священника и ему возвращены.

Губернатор Рунич обратился к епископу Виктору с следующим письмом:

«Ваше Преосвященство, Милостивый Государь мой. От 13 числа сего месяца при отношении Ваше Преосвященство, провождая записку, сочинённую из вступивших Юрьевской округи села Косагова от священника Ивана Васильева мая 26 и 30 чисел просьб, требует оному священнику в причинённых земским исправником в доме онаго священника обидах и побоях жене ево оказать удовлетворение. Разсматривая сию присланную Вашу записку и соображая оную с просьбою от исправника Обухова от 23 числа минувшаго мая мною полученною, нахожу в них: в первой, что двое депутатов свидетельствуют только в том, что им от священника Васильева о побоях объявлено, а жена де его исповедывана и приобщена святых тайн; но были ль при том происшествии — ничего не упоминают; а в просьбе Обухова показано, что оный священник дерзновенные отзвывы исправнику чинил на улице, куда де и сын его выбегал с попом. По сим одна другой противоречащим бумагам, оказать ныне священнику удовлетворения, так же и повеления никому дать не могу: ибо просьба прислана не в подлиннике и не в копии засвидетельствованной, а только приложена одна записка, ни кем не подписанная, следовательно без удостоверения сего и судебное место за твёрдый документ принять и по ней производство чинить усумнится и не может. А потому, обращая при сём помянутую записку, за нужное нахожу Вашему Преосвященству изъяснить, что хотя означенный священник Васильев и представил свидетелей двух депутатов, но они подтверждают только одно объявление священниково, а не самое происшествие, то и неужгодно ли будет вашему преосвященству приказать оному священнику из бывших при том людей представить свидетелей; ибо нельзя стать, чтоб не было тут довольного числа или жителей, или и сторонних. Не могу однакож умолчать и о том, что исправник сей был мною в село Косагово командирован по важнейшей Комиссии для усмирения помещичьих бунтующих крестьян, почему и полагаю, ежели бы священник ни малейшаго исправнику послушания не сделал, то немоглоб и последствий неприятных произойти, каковы ныне открылись. Не оправдываю однакож и исправника в том, что он, будучи необходимо обязан при сём случае требовать от священника по званию его пособия в разсуждении истолкования всевысочайшаго манифеста не смысленным крестьянам, нарушившим спокойствие и тишину; но вместо того онаго священника Васильева только спросил, читал ли он манифест, а он обязан был заставить сего дерзостнаго священника при себе читать оный; ибо и сам он, священник, подкрепляет в прощении своём, прописанным в записке, что де по позыву его, исправника, не пошёл в дом г-на Болговскаго, с которым имеет ссору; но где идёт польза общая, тут священник по важности звания собственную ссору должен пренебречь, а потому, ежелиб и справедливо было показание священниково, что исправник звал его в дом того Болговскаго, то и в таком случае не должен он был послушаться исправника; ибо он не может наперёд предъугадать, что исправник затем его туда звал, дабы обще с господином Болговским его обидеть, что явно и доказывает онаго священника клевету, ибо не будучи ещё ни тем, ни другим обижен, заключил, что его и тот и другой будут обижать, почему уже утвердительно почти можно согласиться и видеть, что священник, выдумав всё сие, клеветет несправедливо на исправника, дабы тем утаить ту дерзость, которую на улице исправнику учинил, а по сему и должен был исправник в тоже время неупустительно его, Васильева, яко не исполнителя высокомонаршей воли и подающаго повод крестьянам к бунту, взять и отослать к суду. Отнеся всё сие разсмотрению Вашего Преосвященства, прошу на оное благоволительным уведомлением вашим меня не оставить. Впрочем с неперменным моим почитанием и совершенною преданностию есмь и пребуду всегда ваше преосвященство, милостивый государь мой, июня 20 дня 1797 г. Владимир».

с. 19

с. 20

с. 21

Епископ Виктор письмом от 23 июня ответил губернатору, что

«священник Иван Васильев, просящий на Юрьевского земского исправника Обухова в обидах и побоях ему и жене ево попадье, в доме их тем исправником учинённых был (епископом Виктором) спрашиван, имеет ли свидетелей, и показал, что в доме ево был один только исправник с солдатами, а потому и ссылаться ему священнику не накого. Депутаты ж, по священству и по чистой совести, объяснили, что попадья от побой исправниковых подлинно при них депутатах была исповедывана и приобщена святых тайн, что самое относя его превосходительству на благоразсмотрение, пребыть имеет и прочее».

Чем кончился этот эпизод с Косаговским священником — неизвестно. Надо думать, что, за отсутствием свидетелей, на которых бы мог сослаться священник, исправник Обухов оказался во всём правым.

Уступчивость епископа Виктора в этом деле объясняется тем обстоятельством, что многие из священно-и церковно-служителей Владимирской губернии находились в то время в сильном подозрении относительно их участия в крестьянских беспорядках. Так, в рапорте от 2 июня Переславский земский исправник сообщает губернатору следующее:

с. 22

«Минувшаго мая 27 дня в бытность мою на месте Переславской округи Залесского с воинскою командою для усмирения разных помещиков бунтующих крестьян, а именно вотчины помещика Мих. Никол. с. Сверчкова в дер. Калинкине, коих усмиря нужно было, дабы впредь на разрушение также тишины и спокойствия не могли быть поползновенны, приведа их к присяге, обязать подпискою, для чего и послано было неоднократно вотчины князя Волконскаго в село Макарово и чрез тех посланных нетолько словесно, но и письменно требован был того села священник Андрей Сергеев, но оный, отзываясь болезнью, по тем требованиям не пошёл, другой же священник Сергей Фёдоров скрылся и отыскан быть не мог; диакон того ж села Василий Иванов, который также для сего был требован, но и тот нетолько не пошёл, но объявля, что он того требования без благочиннаго выполнить не может, немедленно из села скрылся. Видя ж таковое всех из священно-служителей требованиям моим неповиновение, нашёл себя принуждённым послать письменное ведение того прихода к закащику села Троицкаго, что на Вытьтарске, священнику, коим требован за означенными резонами немедленно его прибытия; но и тот, как из поданнаго от посланнаго солдата репорта видно, не только не поехал, но и посланнаго от меня ведения не принял, сказав при том, что он не едет, да и делать ему у меня нечего. Узнав же тот солдат, что означеннаго села Макарова священно и церковно-служители находятся в депутатстве погосту Никольского, что на Перевозе, у священника, заехал к нему именем моим требовал и того, дабы немедленно ко мне ехал, но и тот, неповинуясь тому требованию, забыв долг свой и обязанности, яко депутату того прихода принадлежашую, не поехал. Чрез что те священники не только оказали сему законному требованию моему неповиновение, но и учинили во всех тех, пришедших уже в повиновение крестьянах соблазн и сумнение, ибо видя, что ни один из них, священников, по моим требованиям не поехал, не относя сего к их единому упрямству и неповиновению, относят по своему неведению, что есть каковой либо им, священникам, известный претекст, по которому они требованиям могут мне не повиноваться, а при том, как из многих обстоятельств по сим возмущениям дел ясно видно, что приходские священники, забыв силу изданнаго сего году генваря 29 дня высочайшаго Его Императорскаго Величества манифеста не только прихожан принявших о таковом возмущении намерение от онаго неотвращают, но написанием тех возмутительных просьб и рукоприкладством ко оным наиболее их к тому подвигли, как и самым доказательством служит показание как князя Волконскаго и помещика Сверчкова крестьян, из коих первые показывают, что просьбу писал села Макарова дьячѣк Карп Алексеев, а ко оной руку прикладывал тогож села диакон Василий Иванов; а последним таковуюж просьбу писал пономарь Лукьян Алексеев, а руку прикладывал священник тогож села Андрей Сергеев».

с. 23

Препровождая в копии рапорт исправника епископу Виктору с уведомлением, что священник села Корелы Панкрат Фёдоров и села Макарова дьячѣк Карп Алексеев отосланы в Переславский Уездный Суд, губернатор Рунич просил Преосвященного сделать распоряжение о назначении по сему уезду в Уездный Суд депутата добросовестного и надёжного.

«Что же касается до вышеписанных закащика и депутата, — прибавляет губернатор, — то я несумненно уповаю, что ваше преосвященство неоставите кому следует приказать и с ними поступить по строгости законной, или не разсудите ли предписать отослать в страх и пример другим подобных в означенный Уездный Суд к общему с протчими священно и церковнослужителями суждению, (ибо в противном случае принуждённым найдусь всеподданнейше Его Императорскому Величеству

представить, что священноцерковнослужители во всех случаях непокорности крестьян к помещикам суть первые».¹

Преосвященный исполнил в точности требование губернатора, предписав Суздальской Консistorии всех упомянутых священно- и церковнослужителей отправить в Переславский Уездный Суд к общему суждению, «вслучае же надобности для увещания крестьян послать добросовестных и надёжных двух священников».

Случаи участия священно- и церковнослужителей в крестьянских беспорядках обнаружались также и в некоторых селениях Юрьевской округи. 14 июня к священнику села Вошни явился из бегов крестьянин господина Извольского Пётр Афанасьев и подал ему какие-то печатные указы, которые священник после обедни,

«вышел со крестом читал при всём собрании бывших тогда в церкви у обедни дьяконе, дьячке, пономаре и крестьянах, объявляя, будто в тех указах написано, чтоб господских лесов не рубить, из одних в другия деревни крестьян не вывозить и с них оброку брать только по три рубли, заводов и никаких заведений не заводить и многое таковое»,

как доносил поверенный служитель г. Извольского Нижнему Земскому Суду, «внушал, которое только к неповиновению господам послужить может, а после чтения тех указов пел общий благодарный от всех крестьян молебен». Г. Извольский, узнав о сём, «приказал явившагося из бегов крестьянина взять и привести к нему во Владимир, но того села крестьяне вести его не дали, а препоручили господина ж его крестьянину представить в Нижний Земский Суд». Так как в Земском Суде было известно, что вопреки предписанию губернатора и распоряжению преосвященного Виктора священник села Вошни не читал в церкви указа по поводу командированного по Высочайшему повелению для усмирения крестьян полковника Остермана с командою, в чём явно его изобличает, что «он старается только приводить прихода своего крестьян к возмущению, а не к спокойствию», то Нижний Земский Суд поручил земскому исправнику отправиться в с. Вошню для исследования по доносу поверенного служителя господина Извольского. По прибытии в это село, исправник Обухов никого из крестьян на месте не нашёл. Все они, не только мужчины, но и женщины, «разбежавшись, чинят укрывательство». По произведённому исправником дознанию оказалось следующее. Священник Васильев показал, что 14 июня в воскресенье служил он божественную литургию, по окончании коей, когда он вышел со крестом, к нему подошёл крестьянин Пётр Афанасьев и, приложась ко кресту, стал подавать какие-то два печатные указа, кои, посмотря, священник «за тусклостью в глазах прочитать не мог, а отдал оные ему обратно». Крестьянин, взяв их, стал просить диакона Михаила Петрова, чтобы он их прочитал, а «посему тот диакон, при случившихся тут многих села Вошни крестьянх, те указы читал вслух, чтож именно в тех указах напечатано, он не помнит». По прочтении указов, крестьянин деревни Лапушки Леонтий Макаров «нарядил молебен, который он священник и отслужил Спасителю». Состоявшийся января в 29 день манифест о бытии помещичьим крестьянам у господ своих впослушании, а равно и указ Суздальской Консistorии по поводу командирования графа Остермана он, священник, «читает», благодарного ж молебна 14-го числа он не служил и печатных указов сам не читал. Диакон Петров показал, что 14 числа был он во время обедни в церкви, но не служил, потому что болела у него нога. По окончании обедни

«на отпуске, когда священник вышел с крестом, он был в алтаре, откуда священник Васильев, кликнув его, стал ему отдавать печатные два экземпляра; где они взяты, он не знает».

По приказанию священника, чтобы он их прочёл, диакон, взяв, стал читать про себя, и

«дочитав первой до половины усмотрел в нём, что с жалованных от Его Императорского Величества чиновникам крестьян собирать оброку по три рубли, а второй прочитав один титул, далее читать не стал и отдал оные обратно священнику, сказав при том, что те указы до нас не принадлежат: сам же пошёл паки в алтарь».

Куда те указы священник девал, он не знает. После чего начали молебен

«по наряду села Вошни крестьянской жёнки Ульяны Осиповой, пророку Предтечи и Крестителю Господню Иоанну, а другой служили Спасителю. А кто наряжал — того незнает. Благодарного ж молебна не служили».

¹Последние слова, поставленные в скобках, взяты из черногового письма губернатора Рунича и в подлиннике были, вероятно, опущены.

с. 26 Дьячок Петров показал согласно с диаконом с тою разницею, что по его словам после обедни служили три молебна: Рождеству Богородицы, Тихвинской Божией Матери и Евдокии мученице. Пономарь Михайлов показал также согласно с диаконом, добавив к тому, что во время чтения указов дворовый человек вотчины Богданова Матвей Фёдоров стал диакону говорить, «дабы он тех указов не читал, ибо де они до нас не следуют, но диакон тех слов в резон не принял». Дворовый человек Фёдоров показал, что когда он по приходе в церковь стал подавать для поминовения за упокой своих родителей деньги пономарю Михайлову, тот ему сказал, «что де пришёл села Вошни проситель с указом, а с каким именно Михайлов не знает»; почему он Фёдоров тот же час пошёл в сельцо Щедрино к госпоже своей А. И. Богдановой и сообщил ей. Госпожа его послала в с. Вошню сказать священнику,

«дабы он в церкви указов не читал, а связав того просителя отослал бы к суду, при чем приказывала, что не будут ли также и господина его сельца Щедрина крестьяне, кои неизвестно куда отлучились, то и с ними учинил бы тоже».

Возвратясь в с. Вошню

«в достойное пение и взошед в алтарь, приказание госпожи его объявил диакону Михаилу Петрову, который на сие отвечивал, что де указы печатные и нельзя им оных не читать, они де к тому определены».

По отслужении литургии священник Фёдор Васильев вышел со крестом. К нему наперёд всех подошёл крестьянин Пётр Афанасьев, который, приложась, подал священнику два указа. Священник стал их читать и прочитал один Его Императорского Величества титул, потом сказал, что он не видит, кликнул диакона Петрова и заставил его читать, при чём он Фёдоров стал говорить,

«чтобы оных указов не читали, но священник, диакон и дьячѣк единогласно сказали, что де не твоё дело, указы печатные, никак нельзя им не читать. Потом диакон читал оные: первый о пожалованных от Его Императорскаго Величества кавалерам крестьянх, второй, чтоб явились отлучившиеся от службы солдаты и прочие люди. Причѣм священник, диакон и дьячѣк говорили, будтоб господам лесов не рубить, из одних в другия деревни крестьян не вывозить, с крестьян оброку брать только по три рубли, никаких заводов не заводить, которые слова подтверждая, вотчины г. Извольскаго дер. Дворяткина крестьянин Иван Киреев чинил с ним, Фёдоровым, спор и противоречие, говоря при том, что де надо его, Фёдорова, за сие связать. После чего он вышел из церкви убоясь, дабы и в самом деле его не связали, пошёл в сельцо Щедрино и обо всѣм происшествии объявил своей госпоже. Прежде чтения указов, пели Спасителю молебен, а благодарный, или от кого нарядный — того незнает».

с. 27 Нижний Земский Суд, усматривая немалое между священником, диаконом и дьячком разноречие и принимая во внимание, что дворовый человек Фёдоров их во многом изобличает, определил священно- и церковнослужителей с. Вошни отослать с подлинными допросами в Юрьевский Уездный Суд «к поступлению по законам».

Подобное описанному происшествие имело место в селе Калман, Юрьевской же округи. 21 июня во время обедни к священнику Александру Иванову подошёл крестьянин князя Енгальчева Андрей Данилов и подал ему два печатных указа, прося их прочесть. Священник, взяв от него указы, сначала прочёл их про себя и сказал, что прочтёт их по выходе из церкви, на погосте, что он и сделал при всѣм собрании. Священник сознался в чтении одного только указа о прощении беглых, если они явятся к своим командам, другого же указа, по его словам, он не читал и о чём он был — не знает. Неоднократно повторявшиеся случаи чтения в церквях и распространения в крестьянском населении печатных указов и манифестов, не имеющих прямого отношения к помещичьим крестьянам и вызывавших разного рода превратные толкования, обратили на себя внимание губернатора, почему он признал необходимым дать следующее циркулярное предложение всем Нижним Земским Судам Владимирской губернии.

«Вступив в управление вверенной мне губернии из многих бумаг видел, что по некоторым округам помещичьи крестьяне, забыв страх Божий и не внемля даже Высочайшему Его Императорскаго Величества в 29 день генваря сего года состоявшемуся манифесту, повсенародно публикованному, отложась от долгаго помещикам повиновения и собирая начальники сего бунта в некоторых вотчинах не малая с крестьян суммы дошли до такой распутности, что из числа сих возмутителей отправлены были с теми собранными деньгами утруждать недельно Его Императорскаго Величества просьбами. А как таковыя дерзкия их предприятия никакого действия не возымели, сии же отправленные начинщики возмущения, издержав собранныя с крестьян деньги и не имея ничем себя оправдать в своих преступлениях против своих собратий, возвращаясь ныне в отчизну выдумали

с. 28

у разных людей доставать печатные указы, один о беглых, а другой о командирствах ордена святыя Анны, приносят оные в свои селения, толкуют глупым образом, что якобы оные указы относятся до помещиков и крестьян их, чем самым и посевают новое в несмысленных крестьянах зло. А потому за необходимость поставляю Суду сему предложить, дабы таковое зло не распространилось и далее, тотчас разделя пополам округу, отправиться в одну сторону самому земскому исправнику, а в другую отрядить дворянского заседателя и следовать начально во все те селения, из которых начинщики возмущая самовольно от вотчин отлучились для подачи Его Императорскому Величеству недельных просьб, и собрав всех крестьян, объявить сие моё предписание, чтоб они сколь скоро таковые отправленные от них крестьяне возвратятся в дома и, принеся с собою означенные два печатные или другие какие либо указы, будут разглашать подобное вышеписанному зло, тот час бралиб их и, сковав, представляли за крепкою стражею в Земский Суд или к земскому исправнику для отсылки куда следует к поступлению с ними, яко нарушителями общаго спокойствия и тишины по всей законной строгости, не продолжая о таковых решение учинить в 7 дней. Но дабы никто не мог из крестьян господских таковым зловредным людям верить, что вышеозначенные о беглых и о командирствах указы касаются до крестьян господских, то не только голов соцких, десяцких и пятидесятских, но и вотчинных начальников обязать всех при себе крепчайшими подписками (которыя и хранить), чтобы оне, как скоро кто из крестьян с какими бы то нибыло печатными или письменными указами явится в селении, брали их под караул и отсылали б за крепким присмотром в Земский Суд или к исправнику. А если кто такового разглашателя примет в селение и никуда не представит, то не только вышеписанные люди, но самых тех селениев и крестьяне за неисполнение сего предписания вообще по всей строгости будут на месте наказаны, яко сообщники тех зловредных разглашателей. Между же тем еженедельно мне репортовать не объявится ли таковых разглашателей и кто они именно и когда отосланы будут к суду, или спокойствие и тишина находится в округе будет; затем нужным поставляю Земскому Суду сказать, что естли в сём случае, хотя малейшее онаго Суда, а паче земскаго исправника примечено будет послабление и упущение, то не только подвергнут себя под взыскание, но непременно без всякой пощады отданы будут под суд. А потому и рекомендую как наивозможно употребить всю деятельность к истреблению открывающихся новых в помещичьих крестьянах замыслов, которыя наконец могут обратиться к собственному их большему вреду. Июля 14 дня 1797 г. Владимир».

с. 29

Образец подписок, отобранных от крестьян, которые приведены в повиновение графом Остерманом:

«1797 года Июня 2 дня мы нижеподписавшиеся Переславской округи Залесскаго вотчины статскаго советника Ивана Ильича Муханова разных деревень крестьяне, а именно (следуют имена и отчества) подписуемся в том, что впредь возмущением и заговорами равно как прошениями на означенных господ наших и никакою ослушностию противиться никогда не будем, и во всём, что принадлежит до воли их, а нашего крестьянскаго повиновения повиноваться будем, и во уверение всего того целуем крест и евангелие Спасителя нашего, и естли нами засим что либо противу нарушения тишины и спокойствия и неповиновение означенным нашим господам предпринято будет, в таковом случае подвергаем себя всей строгости законов и за нарушение той данной нами клятвы да накажет нас Бог как в сей, так и в будущей жизни».